

Содержание

Часть первая. ВОДА

Рыбы	15
Иные	56
Вкус восьмидесятых	88
Юг с признаками Севера	99
Япономорцы	111
Марикультурный слой	141
Все вытекающие	157

Часть вторая. КАМНИ

Воспоминание о камне	178
Кристалльно чистые	198
Имя камня	229
Застывшая жизнь	261
Обыкновенное волшебство	273
Территории	278

Часть третья. ВОДА И КАМНИ

Краткий курс Дальнего Востока. Избранные материалы (рыба, камни и не только)	314
--	-----

Часть первая

ВОДА

Около двадцати первых лет моей жизни я не замечал моря и не мог сказать, люблю ли я его. Как можно любить или не любить воздух, которым дышишь, воду, из которой, если верить школьным учителям, в основном состоишь? Море всегда было рядом, и мне казалось, что любой город должен находиться у моря, — разве не везде так?

Только побывав в городах, лишённых моря, я заметил его. Представьте город, лишённый дорог или домов, — и вы меня поймёте.

Море было привычным и обязательным. Рыба — не только готовым блюдом, консервными банками или морожеными брикетами, но живым существом, знакомым мне в лицо и живущим рядом со мной. Может быть, тем же, чем для деревенских жителей является корова, с той разницей, что рыба — животное не домашнее.

Отец ходил на рыбалку всегда. Осенью ловил се­лёдку, зимой — корюшку, весной — камбалу. Когда ехать далеко не было желания или возможности, шёл пешком «на залив» — Амурский залив, который плещется с западного бока нашего Владивостока. Брал меня

с собой — то на Русский остров, то подальше, на реки Суйфун или Лефу (после великого антикитайского переименования 1972 года они зовутся Раздольной и Иистой, но старожилы не признают новых названий). А то ещё дальше — в геологическую экспедицию, где рыбы было не меньше, чем камней. Мы таскали золотистых карасей из полусолёного озера Лебедино у китайской границы, боролись с гигантскими сомами и атлетичными змееголовами Лефу, извлекали из льдистой морской воды гроздь огуречно пахнущих корюшек, ловили жирных ленивых камбал на мидию, за которой надо было предварительно нырнуть с маской, добросовестно ободрав пальцы о камни и о сами раковины. Но быть рыбаком — значит вести особый образ жизни, который я не веду, предпочитая от случая к случаю увязаться на рыбалку с кем-нибудь из *настоящих*.

В остальное время я существую около. Мои окна выходят на Амурский залив. На том берегу — синие сопки, куда (это уже почти Китай) каждый вечер обречённо и стремительно, как катящаяся с гильотины голова огненного великана, зарывается раскалённый грейпфрутовый шар. Когда встаёт лёд, сахарная поверхность окаменевшего моря покрывается дорожной сетью — тёмными извивающимися ниточками на белом панцире. На этих ниточках завязываются узелки-парковки — теперь у рыбаков много машин. Если смотреть на залив утром, до рассвета, цепочки красных и белых огоньков на ещё не видимом льду напоминают загадочные «блуждающие огни» или секретный фарватер из советского фильма. Скоро на заливе возникнут пробки. Как-то я попал в настоящую пробку на льду магаданской бухты Гертнера. Отчаянный рыбак на легковой «пузотёрке» *Nissan Sunny*

не мог перебраться через торос, отделяющий море от берега. Железному потоку люксовых японских «крузаков», пафосных американских «тундр» и военно-колхозных отечественных УАЗов пришлось ждать — в других местах выбраться на берег было невозможно даже им.

Когда лёд уже «не айс», праворульные «таун айсы» и «крауны», подобно торпедированным парходам, уходят под лёд. Дно бухт, окружающих Владивосток, — стоянка (или парковка) человека новейшего времени, человека моторизованного. Иногда за выезд на лёд пробуют штрафовать, но это всё равно что штрафовать за выход на улицу. Кроме машин, на дне толстым культурным слоем лежат блёсны, черпалки, буры (бур в районе скалы-островка Уши утопил и мой отец, когда ломало лёд и приходилось спасаться, прыгая через расходящиеся трещины), теперь — и мобильники. У сегодняшних рыбаков есть интернет с популярным форумом *ivol.ru*, где они делятся опытом: как вчера ловилось «в Воеводе», «на Майхе» или «на Амбе». Какую снасть предпочитает в этом сезоне *зубарь*, какую — *малоротка* и какое расстояние между крючками на самодуре оптимально. Где достать лучшего морского червя, где безопасно передвигаться по льду на «дэлике», как проехать «на Зелёнку» или на «дэ-эр» (место бывшей дисциплинарной роты). В Амурском заливе в черте Владивостока есть остров Скребцова, который все зовут Коврижкой. Подальше — другой островок, он называется Речным, но все зовут его Второй Коврижкой. Пространство между первой и второй Коврижками недипломированные филологи в просоленных тулупах снайперски прозвали Межковрижьем.

В бухте Гертнера. Магаданцы едут с рыбалки

Из моего окна видны манёвры групп рыбаков по льду залива, вызванные локальными изменениями динамики клёва. Стоит кому-то вытащить несколько рыбёшек подряд — и его моментально «обуривают» соседи. Затем срываются со своих мест рыбаки, стоявшие поодаль. Здесь работают законы психологии или даже социологии; очень похоже на движение птичьих стай или рыбьих косяков.

С какого-то времени потребность не в частой, но в регулярной рыбалке появилась — или проявилась — и у меня. В этой потребности есть что-то важное для так называемого современного человека. Она демонстрирует неявную, но прочную связь с чем-то огромным и не очень познаваемым: природа? космос? бог? Ту связь, которая долго была мне, городскому ребёнку, неочевидна. Теперь я точно знаю, что она есть. Рыбалка — чуть ли не единственное, что связывает меня, живущего химерами и условностями, с Настоящим.

РЫБЫ

...И какой-нибудь молодой рыбак удивлялся, зачем же Бог наградил такими прекрасными расцветками рыбу, всю жизнь проводящую в кромешной тьме глубин.

*Александр Кузнецов-Тулянин**. Язычник

Рыба была прекрасна. Она горчила и таяла на языке. Она отдавала сладостью и травой. Нигде я такой рыбы не ел и есть, конечно, не буду.

*Олег Куваев***. Правила бегства

Рыба тоже люди, — закончил Дерсу... — Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

*Владимир Арсеньев****. Дерсу Узала

Я не рыбак, но житель прибойной полосы, перенаблюдавший, переловивший и переевший немало

* Александр Владимирович Кузнецов-Тулянин (р. 1963) — прозаик. Много лет жил на Курильских островах.

** Олег Михайлович Куваев (1934–1975) — советский геолог, геофизик, писатель.

*** Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) — русский и советский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока.

рыб. Именно поэтому я не возражаю, если они — не сейчас, но когда-нибудь потом — съедят и моё уже не нужное тело.

Нашу рыбу не рисуют в детских книжках, как загадочных западных речных «окуней» или «плотву». Эти слова мне кажутся чуждыми — то ли ответственными, то ли иностранными, то ли безнадежно устаревшими, как отмершие говоры старой русской деревни. Наша рыба — простая, суровая, тихоокеанская. В основном — северная (у северных рыб — сдержанная цветовая гамма, зато они жирные и холодостойчивые: треска, навага, минтай, селёдка, лосось, камбала...). Но есть и более теплолюбивая, а то и совсем южная, тропически-яркая. Север и Юг во Владивостоке взаимопроникаемы. Одни рыбы живут здесь постоянно, другие, как сезонные гастарбайтеры, приходят на время. Северные и южные рыбы не похожи друг на друга, как работяга в ватнике не похож на легкомысленного туриста.

Мне хочется сказать не об экзотических разноцветных рыбах, а о плебейх моря, с которыми мы кормимся друг другом. (Эпиграмма на одного из околориминальных кандидатов в мэры Владивостока, легализовавшегося в «социально ответственного» рыбного промышленника, заканчивалась так: «Раньше рыбу кормил он народом, а теперь этой рыбой — народ».)

И первой назову любимую мою камбалу — плоскую, как айпад, с вечной невесёлой ухмылкой перекошенного рта и скептическим взглядом мутноватых, как с похмелья, меланхоличных глаз. Кажется, простодушнее рыбы не отыщешь. Поэтому и ловить *плоских* несложно. Камбала неприхотлива. Достаточно

но любой наживки и самой простой удочки-донки, потому что эта ленивая дауншифтерша предпочитает лежать на дне, для чего принимает плоскую форму и перетаскивает оба своих глаза на спину. Камбала рождается нормальной, но становится инвалидом и живёт до конца жизни с кривым позвоночником, причём бывают камбалы правосторонние и левосторонние, как левши и правши у людей. Физическая патология возведена камбалой в норму.

Камбала (ударение на первый слог — по другому варианту опознаётся чужак, недалековосточник) вписана в библейскую историю. По легенде, своей необычной формой она обязана Моисею, который, уводя евреев из Египта, раздвинул воды Красного моря и случайно рассёк камбалу по осевой линии. Отсюда, возможно, старое русское название камбалы — полурыбица.

Именно камбала — героиня пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Пишут, что Пушкин позаимствовал сюжет о золотой рыбке из сказки братьев Гримм «О рыбаке и его жене», основанной на померанском фольклоре; у Гриммов волшебная рыба оказывается камбалой.

Иван Гончаров дважды упомянул камбалу в великом травелогe «Фрегат “Паллада”», написанном по итогам путешествия 1852–1855 годов на Дальний Восток. Моряки «Паллады», по свидетельству писателя, ловили камбалу у берегов Кореи и в Татарском проливе. Правда, Гончаров ничего не сообщил нам о характере этой рыбы, столь явно похожей на его героя Обломова.

Камбала чужда рисовки, ничего не строит из себя и, если поймалась, не очень сопротивляется необра-